

Свеча от Гроба Господня

(часть 3)

«Если Господь посылает мне такое испытание, — подумал Раньеро, — значит, я заслужил его. Да исполнится его святая воля!»

Паломники уже поднялись в гору, и затихло вдалеке их пение. Раньеро скорыми шагами подошёл к прокажённой и взял связку тонких свечей.

Он с благоговением поцеловал их.

Фитилёк еле тлел у него на ладони, но он успел зажечь тонкую свечу.

— Благодарю тебя, несчастная, — сказал он дрогнувшим голосом. — Что бы со мной ни случилось, я буду всегда молиться за тебя. Да облегчит Господь Бог твои страдания...»

Женщина ничего не ответила. Она с облегчением вздохнула, словно сбросила с себя непосильную ношу, и не оглядываясь пошла прочь.

К ночи Раньеро въехал в незнакомый город, окружённый горами.

Дул холодный пронизывающий ветер, и месяц, повисший над спящим собором на площади, искрился, словно окованный льдом.

Ни одного освещённого окна, только тишина и накрепко запертые двери.

Но едва Раньеро выехал на глухую горную тропинку, он услышал лёгкие торопливые шаги позади себя. Кто-то почти бегом догонял его. Оглянувшись, он увидел женщину в бедных одеждах, скользящую, как тень.

В холодном лунном свете сверкал каждый малый камешек на дороге, но лица женщины Раньеро не мог разглядеть, потому что она накинула на голову грубое залатанное покрывало.

— Добрый странник, — с мольбой сказала женщина. Раньеро показалось, что голос у неё совсем юный и красивый, но говорит она слишком торопливо и тихо. — Мои дети озябли и просят хлеба. В этот поздний час мне негде раздобыть огня. Позволь зажечь лампаду от твоей свечи. Я растоплю печь и испеку детям лепёшки.

—Нет, — сурово ответил Раньеро, — напрасно ты будешь просить меня. Этим огнём я зажгу свечу только перед алтарём Пресвятой Девы! — И Раньеро резко оттолкнул руку женщины. — Пропусти меня и не докучай мне больше напрасными просьбами, — с нетерпением добавил он.

Но женщина ухватила коня за повод и преградила ему путь. Месяц заливал её серебряным светом.

—Дай мне огня, пилигрим! Ведь жизнь моих детей — это тоже божественное пламя. И я должна его беречь, как ты бережёшь свою свечу!

«Что-то необыкновенное есть в этой женщине, — подумал Раньеро. — Худенькая, слабая, но как она тверда и непреклонна...»

Раньеро наклонился с седла, протянул свечу, и женщина зажгла от нее свою лампаду.

Раньеро оглянулся. Женщина быстро шла по пустынной дороге. Огонёк её лампы мерцал и покачивался, словно подвешенный в ночном мраке.

Скоро Раньеро въехал в ущелье. Справа и слева от него поднимались крутые скалы, из расщелин тянулся ночной туман.

Неожиданно по каменным откосам пробежали всполохи огня, послышался цокот копыт по кремнистой дороге. Из-за поворота показалась толпа рыцарей с факелами.

«Ничего дурного со мной случиться не может, — подумал Раньеро, — ведь до Флоренции осталась всего лишь одна ночь пути».

Пьяные, шумные рыцари ехали, громко переговариваясь и смеясь.

Испуганная блеском факелов, подслеповатая клячонка Раньеро шарахнулась в сторону, мотая головой. Тяжёлые холёные кони рыцарей заржали, одна из лошадей вскинулась на дыбы.

—Ах ты жалкая тварь, оборванец! — в ярости крикнул один из рыцарей, с трудом удержавшись в седле. Он громко и пьяно икнул. — Ты посмел меня толкнуть, грязный нищий! Ничего, я научу тебя должному почтению. А ну, на колени, бродяга, иначе не сносить тебе головы!

«Когда-то я был таким же, как они, жестоким и беспечным», — подумал Раньеро.

Он безропотно спешился и встал на колени посреди дороги.

Но и этого показалось мало пьяному гуляке. Он сидел, раскорячившись, уперев одну руку в бедро.

Раньеро на миг поднял голову и в свете факела разглядел его лицо. Багровое, с выпученными по-рачьи глазами, оно было омерзительно. Но Раньеро узнал его: это был его самый близкий друг Джино ди Монари.

«Да, в былые времена мы немало бражничали вместе и вот так же шлялись по дорогам, оскорбляя всякого встречного», — вспомнил Раньеро.

—Теперь извинись перед моей лошадью! — под одобрительный смех рыцарей приказал Джино ди Монари. — Ты её напугал своими вонючими лохмотьями. Ну-ка, поцелуй стремя моего коня и скажи: «Благородная лошадь, прости меня, я не стою твоего хвоста!» Что медлишь? Я жду!

«А ведь меня посвящал в рыцари сам король, — сказал себе Раньеро. — Но я стерплю все унижения, лишь бы они не погасили мою свечу!»

—Благородная лошадь, прости меня, я не стою твоего хвоста, — тихо проговорил Раньеро и поцеловал блеснувшее в свете факелов золочёное стремя.

Но смиренная кротость нищего только пуще распалила пьяного рыцаря, и, когда Раньеро встал с колен, Джино ди Монари с маху ударил его кулаком прямо по лицу.

И тут случилось то, чего Раньеро опасался больше всего.

Тощий, высохший, как стручок, Раньеро отлетел на несколько шагов. Свеча выпала у него из руки, и он упал прямо на неё. Раньеро тотчас же вскочил, но пламя свечи погасло.

Видно, рыцарям прискучило издеваться над безответным бродягой, они повернули коней и с хохотом поскакали назад. Исчезли всполохи огня на скалах, стихли наглые грубые голоса.

Раньеро остался один на дороге с погасшей свечой в руках.

«Боже! Я заслужил это своей нечестивой жизнью...» — в отчаянии подумал Раньеро.

В этот миг он вспомнил о женщине в тёмном покрывале и о лампаде, которую она зажгла. Но как найти её?

Раньеро бросился со всех ног по пустынной дороге назад к городу. Он выбежал на площадь. Ни огонька во мраке. А тут ещё месяц спрятался за тучей, окружив её колючими искрами.

Всё кончено, всё напрасно... Раньеро оглянулся. Спал собор, уходя острыми шпилями ввысь. Спали полные темноты колокола. Вдруг в конце площади мелькнул слабый огонёк. Золотистое пламя осветило тонкую руку.

«Я, наверное, сошёл с ума, и мне это только мерещится...» — подумал Раньеро.

Задыхаясь, из последних сил он пересёк площадь.

—Эй! — крикнул он в пустоту, боясь, что плывущий по воздуху огонёк исчезнет.

Но тут он увидел женщину, закутанную в златанное старое покрывало. Она остановилась, поджидая его.

Раньеро трясущимися руками зажёг свечу от её лампы.

—Где ты зажёг свою свечу? — тихо спросила женщина. Она положила пальцы на губы, словно хотела изменить свой голос.

—У святого Гроба Господня, — ещё задыхаясь, ответил Раньеро.

—Тогда знаешь, как назвать это пламя? — Голос женщины неожиданно зазвенел. — Его имя — кротость и любовь к людям! Раньеро безнадёжно рассмеялся.

—Что-то прежде кротость и любовь к людям не слишком занимали меня...

Он хотел поблагодарить женщину, но она незаметно исчезла в тени собора.

Раньеро искал взглядом огонёк лампы. Эта женщина чем-то напомнила ему Франческу дель Уберти.

«Наверное, для Франчески наша любовь была тем же, чем стал для меня этот маленький священный огонёк, — неожиданно подумал Раньеро. — Боже мой, эта свеча словно осветила всю мою жизнь, и я заново вижу её. Теперь я

понимаю, почему Франческа ушла из моего дома. Она хотела сохранить свет нашей любви и всё время опасалась, что я своей жестокостью погашу его...»

Ранним утром Раньеро въехал во Флоренцию.

Нищий, спавший возле городских ворот, приподнялся на локте и с изумлением уставился на Раньеро. Потом вскочил на ноги и завопил во всю глотку:

—Люди добрые, поглядите! Сумасшедший! Сумасшедший!

Этот крик подхватили уличные мальчишки, драчуны и бездельники. Наконец-то они нашли себе весёлую забаву.

Как стая обезьянок, принялись они скакать вокруг клячи Раньеро. Один из них подпрыгнул повыше и попробовал погасить свечу. Эта затея пришлась мальчишкам по вкусу. Они карабкались на плечи друг другу, раздували щёки и изо всех сил дули на свечу.

В это время из всех дверей начали понемногу выходить люди, направляясь в храм к обедне. Женщины принялись махать платками, мужчины кидали свои шапки, стараясь попасть прямо в горящий фитилёк.

Раньеро привстал на стременах и поднял руку со свечой как можно выше. Мужчины спорили, кто из них ловчее и кому выпадет удача погасить свечу сумасшедшего дурачка.

Рука Раньеро тряслась, пламя качалось и было ясно: ещё немного и свеча погаснет.

На балконе одного из богатых домов стояла стройная молодая женщина. Она перегнулась через перила, выхватила из руки Раньеро горящую свечу и скрылась с нею в доме.

Раньеро вскрикнул горестно и дико, пошатнулся в седле и без чувств грохнулся на мостовую.

Проходим уже прискучило дразнить убогого сумасшедшего, и каждый пошёл по своим делам.

Когда толпа разошлась, из дома вышла Франческа дель Уберти с горящей свечой в руке. Она наклонилась над Раньеро. Он лежал как мёртвый, без признаков жизни. Но можно подумать, что святое пламя имело над

Раньеро какую-то неведомую власть. Стоило только отблеску свечи упасть на его лицо, он глубоко вздохнул и очнулся.

Раньеро как ребёнок потянулся к свече и со стоном схватил её. Он даже не посмотрел, кто подал ему свечу, он не сводил взгляда с дрожащего пламени.

Когда Раньеро с трудом вскарабкался на лошадь, Франческа спросила его:

—Куда ты едешь?

—В собор, — коротко ответил Раньеро, по-прежнему не отводя глаз от маленького огонька.

Тогда Франческа взяла лошадь за повод и повела её.

Собор был переполнен народом. Была Страстная суббота накануне святого праздника Пасхи. В знак печали все свечи стояли в храме незажжёнными.

Франческа вошла в храм и села на скамью среди молящихся женщин.

Только служба закончилась, двери ризницы медленно растворились и оттуда торжественно вышли настоятели, монахи и священники. Последним шёл старый епископ, опираясь на свой посох. А рядом с ним все увидели Раньеро в том же рваном пропылённом плаще и с зажжённой свечой в руке.

И тогда епископ заговорил. В храме стояла такая тишина, что каждый мог услышать его негромкий старческий голос.

—Добрые христиане, да возрадуется каждый из вас! Рыцарь Раньеро ди Раньери прибыл из Иерусалима во Флоренцию со священным огнём от Гроба Господня. Немало тяжких мук претерпел рыцарь на своём пути. Но, говорю я вам: молитесь Богу, чтоб он даровал Флоренции побольше носителей бессмертного огня, ибо тогда Флоренция станет великим городом. И пусть прославится имя Раньеро ди Раньери, совершившего этот подвиг!

Народ, поражённый, с изумлением слушал слова епископа.

«О Боже! — вздыхала Франческа, молитвенно сложив руки. — У меня нет сил перенести это счастье!»

В это время с одной из скамей поднялся седой старик. Голова его тряслась, и два сына поддерживали его, когда он подошёл к епископу. Это был старый Оддо, отец Таддео, юного подмастерья, работавшего когда-то у Раньеро и погибшего по его вине. Старик заговорил громко и грозно:

—Я не верю ни одному слову рыцаря Раньеро. Всем известно: этот человек — истинный безбожник, безжалостный, тщеславный и надменный. Кто знает, может, он зажжёт эту свечу в ближайшем трактире и теперь нагло обманывает нас. Я требую свидетелей, пусть они подтвердят, что этот огонь и вправду зажжён в Иерусалиме! Раньеро еле слышно ответил:

—Боже милостивый! Откуда мне взять свидетелей? Я странствовал один. Пусть явятся сюда горы и пустыни, чтобы свидетельствовать обо мне!

—Раньеро — честный рыцарь, — сказал епископ, — мы на слово верим ему!

—Раньеро всегда был шутник, и порой его шутки стоили людям жизни, — сурово сказал старый Оддо. — Я не верю ни одному его слову!

—Не верим! Не верим! Пусть докажет свою правоту! — подхватили люди, сгрудившиеся вокруг Оддо. Их мрачные взгляды таили угрозу, а кулаки были крепко сжаты. — Мы не верим рыцарю Раньеро!

Тогда из толпы стремительно вышла Франческа дель Уберти.

—Зачем вам свидетели? — сказала она. — Я могу поклясться, что Раньеро говорит правду!

—То-то ты ушла из его дома и живёшь под кровом своего отца, — презрительно кинул ей Оддо. — Говорят, ты достойная женщина, но клятва твоя ничего не стоит!

Здесь же в храме находились и друзья Раньеро. Они стояли в молчании и ни один не выступил в его защиту.

«Нет, Раньеро не под силу совершить столь необыкновенный подвиг, — подумал его друг Джино ди Монари. — Ему не занимать отваги, но такое и ему не по плечу».

И никто из них не вспомнил убогого нищего, над которым они посмеялись, встретив его на горной дороге.

Раньеро стоял один посреди храма. Он понял, ему не от кого ждать поддержки. Слова Оддо были смертельным ударом. Раз сомнение родилось, оно будет расти и множиться.

Друзья старого Оддо молча и медленно приближались, окружая его тёмным кольцом. Было ясно: ещё мгновение, и они погасят его свечу.

Вдруг маленькая серая птичка впорхнула в храм через открытое настежь окно. Птичка начала метаться по храму от алтаря к дверям, задевая за стены и колонны. Она опустилась совсем низко. Пролетая над Раньеро, она задела крылом его свечу. Пламя погасло.

Слезы полились из глаз Раньеро. «Всему конец... — подумал он. — И всё же это лучше... Пусть мою свечу погасила птичка, а не люди, которые меня так ненавидят».

Но тут весь храм огласился громкими криками:

—Птичка горит! Свеча зажгла её крылья!

Маленькая птичка летала по храму, словно порхающее пламя, она сделала круг под высокими сводами собора и вдруг опустилась прямо на алтарь Мадонны. От её пылающих крылышек загорелась высокая свеча, стоящая на алтаре перед Божьей Матерью.

А горящая птичка вновь полетела по храму. Люди тянулись к ней, но она с жалобным писком ускользала от них. Неожиданно она ударилась о грудь старого Оддо и замерла, прильнув к нему. Оддо, хлопая по крыльям руками, погасил горящие перья.

—Птичка мертва! — с грустью сказал он.

Но в этот момент птичка легко вспорхнула с его ладони. Певучая трель огласила весь храм. Птичка кругами поднималась всё выше и выше, пока не исчезла в туманно-золотистом свете под куполом храма.

А пламя свечи на алтаре Мадонны разгорелось и теперь сияло ярко и высоко.

Тогда епископ поднял свой посох и возгласил:

—Это Божья воля! Малая птица стала свидетелем рыцаря Раньеро!

И все стоявшие в храме повторили за ним:

—Это Божья воля!

Наконец Раньеро и Франческа остались одни. Франческа с нежностью протянула к нему руки, но Раньеро испуганно остановил её.

—Остерегись, любимая! Не прикасайся ко мне. Может быть, я болен проказой. Я взял связку свечей у прокажённой.

—И ты не догадался, что это была я? — Улыбка Франчески была полна любви и сострадания. — Я хотела испытать твоё мужество. Узнать, что тебе дороже: жизнь или небесное пламя.

—Я думал только о свече, — прошептал Раньеро.

—А помнишь женщину, которой ты позволил зажечь лампаду? — тихо молвила Франческа, припав к его груди. — Это тоже была я. Я хотела испытать твою любовь к людям.

—О Боже! — воскликнул Раньеро. — Я был как во сне. Помню только, какая-то женщина нагнулась с балкона и выхватила у меня свечу. Теперь я понимаю, это опять была ты, моя радость, чистая душой Франческа!

Франческа заплакала от счастья. Её прекрасные глаза наполнились слезами, и Раньеро увидел в них, как в зеркале, своё отражение. Он увидел своё лицо — измождённое и бледное, но светлое, как лик мученика.

А перед взором Франчески раскинулась, сверкая, золотистая ткань её любви. Ей не было ни конца, ни края, и её блеском можно было окутать весь божий мир.